Некрозма: название главы – слова Ромео Монтекки из пьесы Шекспира.

***

В деревне царила оживленная атмосфера, шла подготовка к отъезду группы. Только высшие чины деревни понимали истинную причину: большинству было сказано, что они отправляют передовую группу, чтобы Юту получил необходимую помощь. Не то чтобы неточно, но и не полная правда.

Капитан стоял на страже, стоически наблюдая за группой различных жителей и семей. Хуатан, его правая рука, вызвался возглавить поход к Земному святилищу. Капитан подозревал, что главным образом для того, чтобы присматривать за дочерью. Пока в деревне ждали решения о судьбе последней группы учеников, этот тихий человек был в полном расстройстве, и с тех пор он не отходил от дочери ни на минуту.

А вот выбранная Хуатаном Вторая оказалась сюрпризом. Мункх была... застенчивой женщиной, почти до робости. В сочетании с её миниатюрными размерами и презрением к бою она была полной противоположностью тех, кого большинство называет « Стражем». Но это не мешало ей быть главным экспертом по обороне в деревне или даже в городах Нефритовых Ходоков. Несмотря на то что он был на целую ступень и на несколькоуровней выше её, капитан сомневался, что даже он сможет быстро пробить её защиту.

Её считали самой талантливой молодой Стражницей своего поколения, даже если она была немного медленнее в Культивации. Точнее, раньше считали.

Но теперь это звание перехватил третий и последний член эскорта группы и новый старший Хранитель деревни, Улаган. С высшего [Бронзового духа] до среднего [Серебряного духа], - капитан не мог не покачать головой от такого безумного роста. Что такого увидел этот молодой человек, чтобы так резко подняться в звании? Чутье подсказывало ему, что он не хочет этого знать.

Им нужно было действовать быстро, ведь до Темнейшей ночи оставалось меньше недели. К счастью, в этот поход можно было отправиться налегке, поскольку Лорд-Протектор оставит группу в нескольких часах ходьбы от Храма Земли. Достаточно близко, чтобы не столкнуться с серьезными проблемами, но и достаточно далеко, чтобы их не обнаружили. Сама деревня будет находиться на расстоянии нескольких дней пути, но если все пойдет по плану, то к этому времени подготовка должна быть завершена.

Что касается самого Лорда-Протектора, то капитан вздохнул и повернулся к самому большому собранию. Оно состояло исключительно из детей, окружавших большого металлического зверя-духа. Шайка уже перевалила за сотню, и капитан сомневался, что в деревне есть хоть один ребенок младше тринадцати лет (слишком юный, чтобы начинать обучение), который не присоединился к сборищу.

Они уже некоторое время вели себя странно тихо, а для детей Слатоходцев «тихо» часто было

очень подозрительно. Капитан даже видел, как несколько человек на задворках шептались друг с другом, уставившись на что-то. Он сузил глаза и приблизился, скрывая свое присутствие.

«Прощаетесь с Лордом-Протектором, да?»

Все, как один, вскочили и повернулись, уставившись на него широко раскрытыми глазами.

На мгновение все замолчали, пока один из мальчиков помладше не заикнулся.

«Д-да, сэр! Просто... Просто хочу попрощаться! Больше ничего! Не-а! Не в-вы!!! - Зачем это было нужно?!»

Группа снова замолчала. Капитан нахмурился и поднял бровь, сложив руки. Девушка постарше, в знакомом богато украшенном шлеме, указала на него и крикнула.

«Он за вами! Разбегайтесь!»

Словно колония убегающих насекомых, дети разбежались во все стороны, крича при этом. Как только территория была очищена, капитан повернулся к Лорду-Протектору и уставился на него. Лорд-Протектор молча смотрел в ответ, затем поднял руки вверх и произнес.

«Я ничего не знаю....».

Капитану оставалось только обернуться и вздохнуть, покачав головой.

«Но почему именно вы должны уходить?! Мы только что вернули нашу дочь, а теперь ты хочешь утащить её в ещё большую опасность?! Вместо вас это могут сделать другие, пожалуйста, просто останьтесь дома».

Золзая смотрела на рыдающую женщину, прижавшуюся к отцу, и в её голове роились противоречивые эмоции. Если честно, слова матери были примерно тем, чего она ожидала. Она не назвала бы её простодушной, но та никогда не скрывала своих желаний и не притворялась кем-то большим, чем она есть. Это могло быть и хорошо... и плохо.

Однако вместо сурового матриарха, железной хваткой управлявшего её домом, женщина перед ней казалась незнакомкой. За то короткое время, что её не было, мать Золзайи превратилась из слегка пухлой, полной сил и огня женщины в худую, осунувшуюся, с глубокими тенями на лице. Возможно, она была всего лишь простой ткачихой, но её природный талант и помощь отца привели к тому, что женщина достигла среднего уровня [Бронзового духа]. Быть в таком

состоянии спустя всего несколько недель... Она хоть раз ела с тех пор, как ушла Золзая?

Это зрелище в сочетании с тем, что говорил ей её дар, заставило Золзаю задуматься о том, понимала ли она когда-нибудь, почему её мать была такой, какой была. Когда она впервые вернулась домой, то ожидала увидеть тот же гнев, разочарование и ту же раздражающую, праведную уверенность в своей правоте, которая стала причиной их ссоры перед началом испытания учеников.

Вместо этого мать обняла её и зарыдала, почти переполняя Зользайю странной смесью глубокой печали и эйфорической радости. Гнев, который всё же присутствовал, был направлен не на дочь, а на неё саму. Вся эта встреча была... странной.

Когда она в последний раз видела, чтобы её мать открыто плакала? Должно быть, это было... много лет назад. Когда её отца чуть не убили, потому что Золзая отказалась подыгрывать этому напыщенному молодому господину, который считал, что может получить всё, что захочет, по щелчку пальцев, даже её. В тот день улыбка её матери померкла, сменившись почти постоянным кипящим гневом, таящимся в глубине души. Её контроль над жизнью Золзайи стал ещё крепче, и девушка всегда подозревала, что мать винит её в травме отца, по крайней мере частично.

Но теперь... теперь Золзая не знала, что и думать, если честно. Неужели узнать о том, что у родителей есть нечто большее - это просто часть взросления? Или она увидела больше, чем раньше? Она не знала, да и времени на размышления у нее не было.

Мать повернулась к ней и обняла её: она была немного ниже ростом и зарылась лицом в грудь Золзайи, всхлипывая.

«Пожалуйста! Не уходи! Я не хочу снова потерять тебя!»

Золзая на мгновение замешкалась, но медленно вернула объятия, борясь с её собственными слезами.

«Я... должна, мама. Я не могу оставить Юту с Ганаа на произвол судьбы».

При упоминании Юту её мать вздрогнула. Поначалу она была против того, чтобы они оба принимали Клятву. Скорее всего, она бы полностью отвергла эту идею, если бы мать Юту не была её собственной Клятвенной сестрой. Но с годами он ей приглянулся, и Золзае не раз доставалось за то, что она «втянула бедного мальчика в неприятности». Мать обняла её ещё крепче, и Золзая осторожно оттолкнула её. Она посмотрела в глаза старшей женщине, подражая тону матери, когда та требовала от Золзаи пристального внимания.

«Мама, я должна. Я уже не ребенок, и есть вещи, которые я должна сделать. То, что могу сделать только я».

Мать смотрела на неё широко раскрытыми глазами, но потом замолчала и опустила глаза. Когда она заговорила, голос её был мягче, чем Золзая когда-либо помнила.

«Я... Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, Зая. Ты...»

Золзая прервала её, тихо произнеся.

«Я знаю, мама».

Они помолчали еще немного, прежде чем её мать повернулась к отцу. На мгновение она уставилась в землю, а затем подняла на него глаза, в которых зажегся огонь, и стала немного больше похожа на ту женщину, которой была раньше. Она ткнула мужа в грудь и произнесла.

«Ты вернешь нашу девочку, слышишь меня?! Я не хочу никаких оправданий! Ты...»

Она поперхнулась, едва не сорвавшись на рыдания. Когда она пришла в себя, её слова стали мягче.

«Ты... защити её, хорошо?»

Хуатан смотрел на свою жену, и на его лице расплывалась мягкая улыбка. Он протянул руку и крепко обнял обеих женщин, нежно прошептав.

«Всей своей жизнью».

Ганбаатар стоял в нескольких футах от импровизированной походной кровати, на которой лежал его друг. Он уже попрощался с семьей, и ему даже пришлось вытаскивать младшую сестру из её укрытия на Лорде-Протекторе. Он был уверен, что могущественный духовный зверь просто пошутил, притворившись, будто не заметил, как девочка забралась в переноску, но сейчас было не время терпеть её выходки. Кроме того, мать убьет его, если она действительно проберется вместе с ними.

Попрощавшись, он отправился проведать Юту и обнаружил, что мать юноши стоит на коленях рядом с его неподвижной фигурой и откровенно рыдает. Это было... неловко. Ганбаатар не помнил, чтобы когда-нибудь видел мать Юту плачущей. На самом деле она была одним из самых веселых и счастливых людей, которых он когда-либо встречал, что резко контрастировало с жесткой и часто грубой матерью Заи.

Будучи травницей, мать Ганбаатара общалась с другой группой, а не с этими двумя, поэтому они не были слишком близки. Но когда они общались, часто после неудачных выходок одного

из их троих детей, она любила шутить, что эти двое - две стороны одной медали. Ганбаатар был вынужден согласиться с мнением матери.

Отец Юту, человек, который научил Ганбаатара многому из того, что знал сам, стоял за её спиной в полном облачении Хранителя. Мужчина стоял спокойно, но сквозь отверстие в шлеме Ганбаатар мог разглядеть полосы слез на его лице. Этот человек, как и родной отец Ганбаатара, вызвался добровольцем в группу сопровождения, но Старейшины отказали обоим. Кроме того, что нужно было путешествовать налегке, слишком большая группа привлекла бы нежелательное внимание еще до того, как они смогли бы выступить в Святилище.

Отец Ганбаатара отнюдь не был слабым, но отцы Юту и Золзая были вице-капитанами. То, что Хуатан возглавлял группу, уже было достаточно подозрительно; два вице-капитана и три представителя элиты, ушедшие из деревни ради одного мальчика, вызывали вопросы, на которые они не были готовы ответить.

Вероятно, почувствовав его приближение, отец Юту обернулся и встретился взглядом с Ганбаатаром. Пожилой мужчина положил руку на плечо жены, затем повернулся и подошел к юноше. Спина Ганбаатара выпрямилась, и он отдал честь вице-капитану, который сделал ответный жест. На мгновение они замерли в неловком молчании, прежде чем Ганбаатар попытался заговорить.

«Господин... я... простите, я должен был...»

Отец Юту поднял руку и прервал его.

«Должен был» - это для политиков и философов, молодой человек. Может, ты и не Страж по имени, но сердце у тебя всегда было. Не запятнайте его, избивая себя за то, что вы должны были сделать. Вместо этого постарайся в следующий раз поступить лучше».

Ганбаатар сделал паузу. Он хотел было отвернуться, но встретил взгляд старшего и сжал кулаки, отвечая.

«Да, сэр».

Вице-капитан улыбнулся и кивнул, а затем похлопал юношу по плечу.

«Твой отец хвастался тобой, ты знаешь. Не умолкает о том, как его мальчик сразил Повелителя зверей и выстоял против целой армии».

Ганбаатар покраснел и отвернулся, почесывая голову. Он слегка заикался от похвалы.

«Я не... Я имею в виду, что это не так впечатляюще, как кажется. В конце концов, они были всего лишь Траворезами... кроме того....».

Его взгляд упал на ногу: импровизированный протез был заменен деревянной ногой с тонкой резьбой чуть ниже колена. Он все еще привыкал к ней, но это было произведение искусства, сделанное его дядей, одним из лучших плотников в деревне. Резьба была настолько детальной, что он сомневался, что кто-то сможет определить, что это протез, если он будет носить обувь и длинные штаны. Он даже был вырезан из бруска [облачного ясеня], что делало его необычайно легким. Редкая древесина стоила больше, чем мог бы позволить себе молодой Ловец за многие годы, но старейшины взяли на себя расходы деревни в качестве награды за его действия.

Глаза наставника тоже упали на ногу, и он нахмурился, слегка сжав плечо юноши. Он перевел суровый взгляд на парня и торжественно произнес.

«Никогда не стыдись того, от чего ты отказался ради спасения другого. Даже если ты совершаешь ошибки, используй их как инструмент для обучения и роста, а не погребай себя под их тяжестью».

Затем, так же быстро, как и появилась, она исчезла, сменившись яркой улыбкой. Мужчина похлопал его по плечу и рассмеялся.

«Со временем ты привыкнешь к этому. Может, ты и не самый талантливый в этом поколении монстров, но сердцем ты это компенсируешь. Я в этом уверен».

Ганбаатар нахмурил брови, не веря, что когда-нибудь «привыкнет» или ему вообще позволят отправиться в очередной поход с таким увечьем. Однако прежде чем он успел заговорить, к нему наклонился отец Юту.

Мужчина огляделся по сторонам, словно проверяя, не смотрит ли кто в их сторону. Затем он стянул с руки толстую металлическую рукавицу и продемонстрировал шелковистую черную перчатку. Ганбаатар в замешательстве наклонил голову, но его глаза внезапно расширились, когда пожилой мужчина снял перчатку.

Вместо здоровой плоти Ганбаатар увидел отблеск голубого металла. Почти три пятых левой руки мужчины просто... отсутствовали, плоть сохранилась только на указательном и большом пальцах. Остальные три пальца и значительная часть ладони были заменены тускло-голубым металлом, который Ганбаатар не смог определить.

Металл казался сплавленным с тем, что осталось от руки мужчины, но вместо того, чтобы быть безжизненным и жестким, он сгибался и разгибался, словно всегда был здесь. Мужчина даже крутил и поворачивал металлическую руку в разные стороны, словно демонстрируя себя, и все это время ухмылялся.

Ганбаатар нахмурился, а затем спросил,

« А что случилось со стыдом?»

Мужчина рассмеялся, и от прилива энергии духа металл в некоторых местах стал покрываться шипами и зазубринами, а в других - сползать, словно металлические щупальца. Один палец даже превратился в злобно выглядящий кинжал. Усмехнувшись, он произнес.

«Не стыдись, но и не делись информацией, которая может пригодиться позже».

Отец Юту рассмеялся, возможно, над самым неудачным каламбуром, который юноша когда-либо слышал от него.

Ганбаатар же мог только смотреть на него с открытым ртом и расширенными глазами.

Мужчина надел перчатку и рукавицу, а затем снова похлопал юношу по плечу. Он не переставал ухмыляться, пока говорил.

«Как я уже сказал, ты приспособишься. Ты умнее, чем тебе кажется, Ганаа. Никогда не сдавайся и продолжай идти по своему Пути. Я полностью уверен, что однажды ты будешь гордо стоять бок о бок с Юту и Заей».

Мужчина выпрямился и отдал честь, после чего повернулся и пошел обратно к жене и сыну.

Ганбаатар ответил тем же, но спина его стала чуть прямее, а в сердце разгорелся огонь. Незаметно для всех трава у ног Ганбаатара стала чуть прямее и чуть выше, чем у окружающих.

Вскоре к группе подошла Золзая, за ней - её родители. Когда её родители прервались, чтобы поприветствовать родителей Юту, а её мать крепко обняла плачущую Сестру по клятве, Золзая подошла к Ганбаатару. Никто из них не говорил, но оба видели, как в глазах друг друга горит решимость. Они кивнули и, как один, повернулись и пошли к группе, собравшейся вокруг Лорда-Протектора.

Пора было отправляться в путь.

Издалека старейшина Бату с интересом наблюдал за уходящей парой, поглаживая свою длинную бороду. Незаметно для других его глаза вспыхнули таинственной энергией, и он уставился на то место, где мгновение назад стоял Ганбаатар. На его лице появилась небольшая улыбка, и он пробормотал про себя.

«Интересно... очень интересно...»

http://tl.rulate.ru/book/89784/3440349